

Луговцова, С. Л. Крестьянская реформа в Беларуси в воспоминаниях мировых посредников / С. Л. Луговцова // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. Вып. 7 / рэдкал. : С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2012. — С. 37-48.

С. Л. ЛУГОВЦОВА

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА В БЕЛАРУСИ В ВОСПОМИНАНИЯХ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ

На территории Беларуси реформа 1861 г. осуществлялась на основании двух местных «Положений». На Могилевскую и Витебскую (кроме Дриссенского и Латгальского уездов) губернии распространялось «Положение» для губерний «великороссийских, новороссийских и белорусских». В Виленской, Гродненской и Минской губерниях, Дриссенском и Латгальском уездах Витебской губернии действовало особое «Положение». Ключевой фигурой в реализации реформы на местах становилась фигура мирового посредника. В соответствии с «Положением» об отмене крепостного права 19.02.1861 мировой посредник назначался Сенатом по рекомендации губернских властей из местных дворян-помещиков, владевших определенным земельным цензом. Власть мирового посредника распространялась на мировой участок, который на территории Беларуси обычно состоял из 5—7 волостей. Основные функции мирового посредника — размежевание крестьянской и помещичьей земли, разбор земельных споров между крестьянами и помещиками; проверка, утверждение и введение в действие уставных грамот; создание органов крестьянского самоуправления и надзор за их деятельностью. Действия мирового посредника могли быть обжалованы перед съездом мировых посредников уезда. Окончательной инстанцией по обжалованию их решений являлись губернские по крестьянским делам присутствия [1, с. 135—139].

Мощное восстание 1863—1864 гг. внесло существенные коррективы в реализацию крестьянской реформы на территории Беларуси. В частности, по Указу от 18 апреля 1863 г. в связи с выходом в отставку 28 че-

людей Гродненской губернии, занимавших должности уездных предводителей дворянства, уездных судей и мировых посредников, все эти должности были замещены чиновниками по назначению правительства. Первоначально Указ распространялся только на вакантные должности. Однако по распоряжению от 27 мая 1864 г. все служебные места в крае, имевшие непосредственное отношение к народу, должны были быть замещены исключительно лицами русского происхождения [2, с. 203].

Пытаясь привлечь на свою сторону местных крестьян, российское правительство вынуждено было пойти на определенные уступки бывшим крепостным. Указом от 1 марта 1863 г. в Виленской, Гродненской, Минской, Ковенской губерниях, Дриссенском и Латгальском уездах Витебской губернии временнообязанное положение крестьян прекращалось с 1 мая того же года. Вводился обязательный выкуп со снижением оброчных и соответственно выкупных платежей. Крестьяне, которые отрабатывали барщину, переводились на оброк с уменьшением его на 20 % по сравнению с оброчными платежами, установленными уставными грамотами. Для проверки этих платежей создавались уездные поверочные комиссии. Они должны были составить выкупные акты [3, Т. 38, № 39337, 39463]. 2 ноября того же года был издан Указ о прекращении с 1 января 1864 г. временнообязанных отношений в Могилевской и Витебской губерниях. В них также бывшие помещичьи крестьяне переводились на обязательный выкуп со снижением выкупных платежей на 20 % [3, Т. 38, № 40172]. В обозначенных обстоятельствах должность мирового посредника становилась ключевой не только в реализации основных положений реформы, но и в противостоянии российских властей и местных помещиков, преимущественно католиков по вероисповеданию, тайно или явно поддержавших восстание. В связи с чем, на наш взгляд, именно свидетельства мировых посредников позволяют увидеть Великую реформу изнутри, на максимально приближенном расстоянии.

В статье рассматриваются воспоминания Н. К. Полевого, М. Л. Песковского, В. П. Березина. Потомственные дворяне Николай Ксенофонович Полевой — поручик лейб-гвардии конной артиллерии, завсегда-тай петербургских салонов — и Владимир Петрович Березин принадлежали к тому слою российских должностных лиц, которые прибыли в Беларусь не в поисках денег и чинов, а были идейными сторонниками реформы и методов ее реализации в северо-западных губерниях. Это были «люди по большей небедные, люди старинных дворянских фамилий, жившие до этого в своих собственных поместьях... Муравьев не

был для них знаменем, вокруг которого они собирались, так как собирались они непосредственно на призыв самого правительства, по его приглашениям» [4, с. 545]. Ко времени прибытия в Беларусь Полевой и Березин были практически ровесниками (27 и 26 лет соответственно).

Матвей Леонтьевич Песковский (1844—1903) — известный публицист, автор статей в «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Русской старине», «Русской школе», «Нови» — в качестве помощника мирового посредника Лепельского уезда Витебской губернии М. И. Красавицкого был активным участником осуществления крестьянской реформы на территории Беларуси. Для него понимание «рубежа эпох» связано не только с освобождением крестьянства, но и с укреплением русского влияния в крае. Безусловно, точка зрения М. Л. Песковского субъективна. Его отец, православный священник, был призван в Северо-Западный край для присоединения униатов к православной церкви после ее ликвидации в 1839 г. В Витебском уезде трудами отца были переведены в православие четыре униатских прихода: Лужесни, Шалыги, Хрупы и Храповичи. Нетрудно представить, какие взаимоотношения сложились у него с местными помещиками. Особенно острой была борьба Леонтия Песковского с братьями Николаем и Павлом Энке. Когда отец умер (Матвею в это время было четыре года), братья Энке не просто разорили семью Песковских, они заставили своих крестьян разобрать до основания дом и все хозяйственные постройки, уничтожить сад и посевы. Вдова с детьми вынуждена была просить убежища у крестьян. Автор вспоминает: «Мне случалось впоследствии быть свидетелем громадных разрушений, пожаров, наводнений, разрушительных бурь, но я не помню ничего ужаснее картины насильственного, грабительского разрушения отцовской усадьбы» [5, с. 515—517]. В крестьянской среде, в постоянной нужде вырос Песковский. Крестьяне доверяли ему, считали своим. И это обстоятельство выделяет его воспоминания среди целого ряда мемуаров мировых посредников, прибывших в Беларусь по «муравьевскому призыву» 1863 г.

Большой интерес представляют впечатления мемуаристов о ситуации в белорусских губерниях в целом. Детство М. Песковского пришлось на 40—50-е гг. XIX в. Этот период в истории Российской империи традиционно считается апогеем мрачного царствования Николая I, когда государственная власть стремилась максимально контролировать общество. Для белорусских губерний период характеризовался также политикой русификации, что нашло выражение в целом ряде правительственных мероприятий, осуществленных после подавления восстания 1830—

1831 г. Тем не менее Песковский свидетельствует, что русское присутствие в крае было по-прежнему малозаметным.

Проводниками русского влияния являлись православное духовенство и государственные чиновники. По мнению автора, они «должны были прятаться, таиться и со своею русскою речью, и со своими русскими обычаями, если не желали подвергаться неприятностям со стороны остального населения» [5, с. 512]. Такое положение вещей обуславливалось главенствующей ролью помещиков-католиков в делах местного управления. В присутственных местах, в городах и деревнях разговорным языком был польский [Там же]. Дядя и старший брат автора, состоявшие на гражданской службе, вынуждены были учить польский язык, что вызывало большое недовольство с их стороны. Особенно со стороны дяди, человека немолодого, приступившего к учебе в 50 лет [5, с. 522]. Даже православному духовенству, специально призванному для поддержания русского престижа в крае, рискованно было русофильствовать. Стоило православному священнику навлечь свою ретивостью гнев местного помещика или ксендза, и почти неизбежен был его перевод в другое место, фактически в ссылку. По свидетельству Песковского, могли запрятать в монастырь без суда и следствия. Такого рода переводы мотивировались со стороны духовного начальства необходимостью ладить с местным дворянством, в руках которого находились как материальные средства, так и реальная власть на местах. В результате складывалась парадоксальная ситуация: православные священники, призванные быть проводниками русского языка и влияния на белорусских землях, спешно учили польский язык. Представители православного духовенства, которые не успевали настолько выучить польский, чтобы поддерживать при случае разговор, «чувствовали себя виновными», так как «выпадали» из местного общества [5, с. 513].

Об отношении местных помещиков к русскому языку и Православной церкви еще более выпукло свидетельствуют Н. К. Полевой и В. П. Березин. Последний описывает характерный пример, как некий пан Логарт выстроил в своих владениях огромный каменный костел, размерам и убранству которого мог бы позавидовать любой столичный город, хотя католиками были лишь 12 его придворных слуг [6, с. 153]. Церковью же для трех тысяч крепостных крестьян являлась «небольшая деревянная постройка в виде амбара и с маленьким деревянным крестом на ветхой поросшей мхом тесовой крыше... и рядом стояла не то вышка, не то голубятня на четырех покривившихся столбах с двумя-тремя колокольчиками наверху» [6, с. 151]. Автор не мог поверить: не-

ужели это церковь с колокольной? Еще один характерный пример из записей В. П. Березина. В начале 1860-х гг. на постройку новых и ремонт имевшихся православных церквей было ассигновано в Минской губернии сто тысяч рублей. Прошло два-три года, и протопоп из города С. сообщил в Петербург, что эти сто тысяч потрачены на католические костелы. Для расследования из Петербурга был послан тайный советник ...ский, который донес, что протопоп говорит неправду. Протопопа лишили прихода и сослали в Соловецкий монастырь. Только после подавления восстания в 1864 г. М. Н. Муравьев провел новое следствие, в ходе которого выяснилось, что протопоп сообщил правду. Его возвратили из ссылки и наградили.

Наиболее остро на господство католической религии в крае реагировал Н. К. Полевой: «В пределах Российской империи нет города более мрачного, неприветливого и негостеприимного для русских, чем Вильно. Прибавлю еще, нет и города более католического, более польского. Варшава менее польская и менее фанатически-католическая; по крайней мере она менее заботится казаться такою. В Варшаве мирская жизнь одолевает духовную, в Вильно католичество давит все» [7, с. 51]. Воспоминания Полевого пронизаны ощущением настороженного знакомства с некой новой реальностью: «Тотчас за Смоленском, как только въехал в Могилевскую губернию, попал в новый мир. Явились поляки, белорусы, евреи с чуждым мне языком, нравами и враждебными ко всему русскому настроением» [7, с. 48]. Автора удивляет также большое количество евреев в белорусских городах, и главное — их умение с ловкостью решать вопросы, к которым они не должны были иметь никакого отношения. Полевой прибыл в конце 1863 г., когда повстанческие отряды еще продолжали действовать в ряде уездов. Он столкнулся со всей строгостью военного положения. Особенно жесткий контроль был в Борисове. Полевой предполагал, что губернский Минск встретит его еще строже. Однако не успел он появиться в городе, как некий фактор предложил ему за 50 коп. устроить исполнение всех необходимых формальностей, уверяя, что ему не потребуется являться ни к военному губернатору, ни в его канцелярию. Полевой не мог поверить словам фактора, специально отдал ему подорожную, чтобы уличить во лжи. Но не прошло и часа, как торжествующий еврей вернул подорожную с необходимыми подписями и разрешением на свободный проезд до Вильно [7, с. 49—50].

В Вильно Н. К. Полевой был приятно удивлен присутствием в дворянском собрании многих женщин, «довольно изящных», и очарован

исполнением мазурки, в которой «дамы летали в руках кавалеров, как бабочки» [7, с. 58—59]. Однако город в целом оставил у него тяжелое впечатление. Вильно зимой 1863 г. напомнил автору пушкинский «Пир во время чумы». «Лживый, гадкий, отвратительный мир!» — восклицает Полевой [7, с. 63]. И спешит по месту службы в Бобруйск.

Но и Бобруйск был не тем местом, пребывание в котором могло стать радостным для блестящего гвардейского офицера. В середине XIX в. он представлял собой бедный провинциальный город без какой-либо промышленности. Из 20 тыс. жителей христиан было не более тысячи человек. В городе не было ни одного хорошего магазина; вся торговля сосредотачивалась на базаре, где располагались дощатые деревянные балаганы. Два раза в неделю приходила почта из Москвы и Петербурга. Письма добирались дней семь и более. «Вот в какую глушь занесла меня судьба!» — вздыхает автор, с головой погружаясь в работу [7, с. 257—258].

Каждый мировой посредник тесно общался с крестьянами. Мемуаристы дают подробные характеристики сельских жителей. В этих характеристиках много общего. В. П. Березин и Н. К. Полевой неоднократно подчеркивают бедность и забитость местных крестьян по сравнению с их собратьями в центральных губерниях: «Я с любопытством разглядывал толпу, — пишет Березин, — особенно в начале моей службы, когда еще не привык видеть эти худые апатичные лица низкорослых “оборванцев”, так не похожих на наших коренастых, сильных крестьян!» [6, с. 186]. Мемуаристов шокировал вид крестьянских жилищ: «Избы были маленькие, курные; хозяйственные постройки плохи, покрыты соломой, и это в стране, сплошь заросшей вековым лесом, где лес был нипочем, гнил на корню!» [7, с. 261]. Артиллерист Полевой в первую очередь обратил внимание на крестьянских лошадей: «Лошади были не у всех и почти не заслуживали названия лошадей: это были маленькие, худые бессильные, мохнатые зверьки. Упряжь состояла вся из оголовка — хомута, очень упрощенного — самодельные клещи и войлочный потник; шлеи не было; гужи веревочные; дуга, самодельная низенькая, почти лежала на шее у лошади. О седелке, чересседельнике и помину не было!» [7, с. 262]. Обращает на себя внимание изобилие восклицательных знаков в авторских текстах, и это несмотря на тот факт, что воспоминания писались через много лет после произошедшего.

Русских мировых посредников изумляет терпение местных крестьян. В памяти остаются верно схваченные детали. Так, Березин обратил внимание на «белобрысого» крестьянина в картузе с оторванным ко-

зырьком, который бил его по лицу при каждом движении: «При виде этого козырька я подумал, что наш Кузьма или Гаврила давно бы в сердцах послал его к черту, оторвал бы его и выбросил. А этот ничего: козырек хлопает его по носу и по глазу, а он даже не перевернул картуза, чтобы досталось от его козырька затылку» [6, с. 186].

Песковский рассуждает в унисон с вышеназванными авторами. Характеристика, данная им местному крестьянству, столь образна и многозначна, что позволим себе привести ее полностью: «Ветхая избенка, захудалый, измельчавший домашний скот, тощие поля и луга, бедная одежда, обувь и упряжка, убитый, понурый вид с оторопело-отупевшим выражением лица, — таким было почти все белорусское крестьянство до освобождения его. Этому темному забитому народу, казалось, не было доступно никакого другого чувства, кроме страха... Он трепетал перед всеми властями, не исключая и самых мелких. Не понимая их назначения и смысла в жизни, народ всячески старался укрыться от них — надуть, перехитрить, провести. Не зная, чего держаться, он, при встречах с ксендзом, старался казаться католиком, при встречах с православным священником — православным. В действительности же он был дикарем-язычником и твердо верил в своих добрых и злых духов, с которыми и сводил счеты буквально на каждом шагу» [5, с. 514].

Все авторы приводят неоднократные примеры организованности крестьян в ходе восстания, их помощи российским властям в поимке восставших панов. По собственному почину они выслеживали и вылавливали повстанцев в лесах; устраивали конные и пешие стражи для поддержания порядка в своей местности. Иначе говоря, «вчерашние рабы оказались очень усердными, находчивыми, сознательными и распорядительными гражданами в такой серьезный момент» [5, с. 61]. Военный начальник Бобруйского уезда полковник Поленов свидетельствовал, что в его уезде крестьяне самостоятельно выслеживали группы восставших шляхтичей, окружали их, а «войска являлись больше для поддержки крестьян» [7, с. 259].

Представляют интерес оценки, высказанные мемуаристами в адрес представителей российской власти. Полевой характеризует Минского губернатора А. Л. Кожевникова как человека очень образованного, доброго и бесхитростного [7, с. 247]. Во время работы губернского по крестьянским делам присутствия многие горячились, выкрикивали, перебивали, не давали сказать остальным. Кожевников не в силах был упорядочить заседание: «Все говорили одновременно, шумели. Проспорив и проговорив два часа, разошлись, не выработав ничего» [7, с. 251]. Пред-

ставленный образ существенно уточняет портрет губернатора, нарисованный современными исследователями, где Кожевников действует «грубо и прямолинейно» [8, с. 204], глава же о нем называется «В молодости — декабрист, в старости — царский сатрап» [8, с. 202].

Наиболее сложной работой в деятельности мировых посредников и поверочных комиссий была проверка составленных ранее уставных грамот. Необходимо было составить подробную опись как прежних земельных наделов каждого поселка, так и вновь отведенных им угодий. Дело в том, что к моменту освобождения крестьяне почти поголовно были загнаны помещиками на болота, пески и бесплодные пустыри. Для восстановления справедливости необходимо было провести большую работу, которая осуществлялась следующим образом. Сельский староста собирал сход, где объяснялась необходимость представления верных сведений. Затем мировой посредник или его письмоводитель проходил по дворам для описи. По окончании описи опять созывался сход, на котором все описи зачитывались. Если сход устанавливал какие-либо неточности, они тут же исправлялись, после чего всем «миром» шли на место старого и нового земельных наделов для проверки сведений и составления нового земельного «акта». На первых порах на одно селение приходилось затрачивать несколько дней. Кроме того, при проверке описей на сходе оказывалось много неточностей в показаниях. По свидетельству М. Л. Песковского, после составления двух-трех описей крестьяне быстро освоились с делом, и по их инициативе установился такой порядок: все поселения данной волости распределялись заранее в известном порядке для описания. Размеры старых и новых крестьянских владений были уже заранее измерены, так что Песковскому оставалось только проверить их на месте [5, с. 66—67]. Таким образом, «темные, забитые» крестьяне действовали осознанно, когда дело касалось их материальных интересов. Во время визита в Лепельский уезд Витебского гражданского губернатора последний отметил, что его удивила их толковость и развитие [5, с. 71].

Условия работы мировых посредников и членов поверочных комиссий были нелегки. Так, Песковский за три летних месяца 1863 г. провел в местечке Бешенковичи, которое являлось официальным местом пребывания мирового посредника, не более 10 дней. Все остальное время проходило в сплошных переездах из волости в волость, из села в село [5, с. 65]. Н. К. Полевой отмечал, что условия работы в Минской губернии несравненно труднее, чем в великороссийских. В последних однообразная почва — суглинок, чернозем, песок — тянется на сотни верст, что

облегчает оценку земель. В Минской губернии условия совершенно иные: на расстоянии одной квадратной версты можно найти два-три резко отличающихся сорта земли. Был необходим подробный осмотр всех участков. В Бобруйском уезде участки были разбросаны на значительном расстоянии, добираться приходилось лесом, при почти полном отсутствии качественных дорог. Проверку уставных грамот затрудняло и враждебное отношение со стороны местных помещиков [7, с. 5]. В. П. Березин рассказывает, что, как только весной 1865 г. земля обнажилась от снега, члены поверочной комиссии Минского уезда «начали свои странствования по «грязному киселю» [6, с. 186]. С восходом солнца они ежедневно выезжали для осмотра земель и только при наступлении темноты возвращались ночевать. «В первые две недели, — добавляет автор, — как нарочно, ежедневно и неустанно шел мелкий дождь... и мы возвращались «домой» измученные ходьбою и тряскою на лошадях, голодные как волки. Наш обед, служивший и ужином, мы истребляли жадно и быстро» [Там же]. Трехстраничное описание одного дня работы [6, с. 187—190] пронизано авторской самоиронией, которая сглаживает картину крайне дискомфортных условий существования. И, тем не менее, Березин восклицает: «О прекрасное, чудно прекрасное время моей службы в М. — никогда тебя не забуду!» [6, с. 141]. Не так восторженно по форме, но аналогично по содержанию высказываются другие мемуаристы. А ведь эти люди не просто занимались тяжелым физическим трудом, они не принимались местным обществом, неоднозначно оценивались представителями местной власти. Даже среди сослуживцев легко было прослыть «крепостником» из-за преследований крестьян за порубки и потравы. Еще легче было получить ярлык «красного» за понижение оценок помещичьей земли, зачисления болот в неудобные земли (как бы ни удивляло количество десятин под этими болотами). Репутация «красных» особенно обижает Березина и Полевого. Последний высказывает свое мнение по этому поводу словами близкого друга, считавшего, что помещики ложно поняли его, как «московские бары поняли Чацкого. Чацкий осуждал необразованность бар, лицемерие их лично, а они провозгласили его революционером и сумасшедшим» [7, с. 268].

Несмотря на все трудности, герои нашего повествования не отвернулись от работы «по крестьянскому делу», наоборот, на долгие годы связали с ним свою судьбу: Песковский стал волостным писарем и учителем, Полевой ушел из армии и продолжил работу в Царстве Польском, Березин длительное время оставался членом поверочной комиссии

Минской губернии. Чем же привлекал их крестьянский вопрос, не отпускал от себя в другие сферы деятельности? Напомним, что Песковский готовился стать священником, Полевого ждали в гвардии, да и на родине, в Вяземском уезде, предлагали быть избранным на должность уездного предводителя дворянства, Березина ожидало собственное имение. Поиски ответа на поставленный вопрос привели к философским размышлениям о человеческом счастье, один из рецептов которого: максимально честно делай дело, которое считаешь важным, и наслаждайся плодами трудов своих. Все авторы с такой радостью писали об успехах в устройстве волостных училищ, проведении справедливых рекрутских наборов, возвращении крестьянам захваченных земель, что становится ясно — видимые результаты работы воодушевляли их на дальнейшие усилия в избранном направлении.

И еще один аспект: все авторы исходили из представления о Северо-Западном крае как об исконно русской земле, принадлежавшей России по историческому и государственному праву. Они чувствовали себя ответственными за сохранение этих территорий в составе государства, за судьбу родины. Отец Н. К. Полевого так благословлял сына перед отъездом: «Никаких особенных выгод не можешь получить ты в том крае, но твоя нравственная обязанность ехать туда. Отечество, Россия в опасности» [7, с. 63].

Изучение вопроса о деятельности мировых посредников в Северо-Западном крае приводит к еще одному выводу общего характера: о порочности системы власти, сосредоточенной в руках одного человека, ее губительных последствиях для жизни общества. Борьба в правительственных сферах вокруг формирования политики российского самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ подробно рассмотрена в работе российской исследовательницы А. А. Комзоловой [9]. Есть много примеров, когда император Александр II лично принимал решения о пожертвованиях помещика Минской губернии Я. Тышкевича, о разрешении крестьянам Ковенского уезда ставить кресты у дорог и т. п. Причем дело Тышкевича было рассмотрено в течение месяца, а решения по вопросам ключевого характера (о поземельном сборе в Северо-Западных губерниях, его размерах, о деятельности православных братств и др.) не принимались годами. Почему так происходило? Одна из причин состоит в том, что один человек не может быть компетентным во всех сферах, держать все бразды правления в своих руках. В результате по наиболее острым проблемам создавались отдельные совещания, назначались специальные комиссии, что существенно затяги-

вало принятие решений. Кроме того, единоличная форма власти требует не деятелей, а послушных исполнителей. Герои нашего повествования позволяли себе мыслить и действовать самостоятельно. Березин по делу помещика Нетурчанского, несмотря на оказываемое на него давление, отказался прислушиваться к мнению губернатора [6, с. 194—195]. Следующий эпизод характеризует обстановку в Минском по крестьянским делам присутствии во время работы в нем Н. К. Полевого. Острые споры разгорелись на заседаниях вокруг оценок земли. Председатель Мозырской поверочной комиссии Аполев нашел великолепные сенокосы на реке Припять, дорого оценил их, но сбавил цену на две трети, так как луг из 10 лет бывал 6 лет залит водой. Председатель Новогрудской комиссии Климов открыто высмеял доклад Аполева, говоря, что тот «открыл переложные сенокосы» [7, с. 15]. В свою очередь, многие не верили Климову, определившему урожай пшеницы в сам десять, в то время как крестьяне утверждали, что рожь родится сам 3—4, а пшеницу сеют только на панских полях, а на отведенных им землях ее вообще сеять нельзя. В пылу острых споров и взаимных обвинений сложно было выяснить истинное положение вещей. Полевой позволил себе высказать мнение, что губернское присутствие сделало ошибку, не отправив своих членов разобраться в ситуации на месте. Заявление было признано «смелой выходкой против начальства»! [7, с. 15] Смелость и решительность чиновников приветствовалась в работе государственного аппарата в кризисный период 1863—1864 гг., когда само существование российской власти в крае оказалось под угрозой. После подавления восстания государственная машина самодержавия выдавливает из своей среды наиболее инициативные элементы. Представитель нового виленского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана полковник Хоментовский предложил Полевому место члена губернского по крестьянским делам присутствия, а также конфискованное имение Слуцкого уезда в собственность. Имение оценивалось в 100 тыс. рублей, но его обещали передать в собственность за 10 тыс. рублей с уплатой в рассрочку в течение 10 лет. В ответ Полевой должен был поддерживать в губернском присутствии предложения генерал-губернатора. Полевой был оскорблен предложением, долго искал ответ на вопрос, чем дал повод предположить, что «способен изменить своим убеждениям, что я человек продажный» [7, с. 17]. По-военному резкий, несклонный к компромиссам Полевой в результате подал прошение об отставке. Более спокойный и рассудительный Березин покинул Беларусь в годы генерал-губернаторства А. Л. Потапова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов / под ред. К. А. Софроненко. М. : ГИЮЛ, 1954.
2. *Жытко, А. П.* Дваранства Беларусі перыяду капіталізму, 1861—1914 гг. / А. П. Жытко. Мінск : БДПУ, 2003.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе: в 55 т. СПб. : Тип. П отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830—1884.
4. *Захарьин, И. Н.* Воспоминания о службе в Белоруссии 1864—1870 (Из записок мирового посредника) / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. 1884. № 3. С. 538—565; № 4. С. 56—95.
5. *Песковский, М.* На рубеже двух эпох / М. Песковский // Русская старина. 1896. № 3. С. 511—533; № 4. С. 57—78.
6. *Березин, В.* Восемь лет в Северо-Западном крае / В. Березин // Русский вестник. 1896. № 1—2. С. 139—157; № 3—4. С. 170—180; № 7. С. 185—204.
7. *Полевой, Н. К.* Два года, 1864 и 1865, из истории крестьянского дела в Минской губернии / Н. К. Полевой // Русская старина. 1910. № 1. С. 47—63; № 2. С. 247—270; № 4. С. 3—25.
8. *Бригадин, П. И.* Минские губернаторы: история власти / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич. Минск : ГИУСТ БГУ, 2009.
9. *Комзолова, А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А. А. Комзолова. М. : Наука, 2005.

РЕЗЮМЕ. SUMMARY

В статье рассматривается ход крестьянской реформы 1861 г. на территории Беларуси. На основании мемуаров мировых посредников анализируются взаимоотношения российских чиновников с местным дворянством; прослеживается влияние генерал-губернаторов на скорость и глубину осуществления реформы в крае.

The implementation of peasant's reform 1861 in Belarus is examined in the article. On the basis of conciliators' memoirs interrelations of the Russian officials with the local nobility are analyzed; the influence of governor-generals on speed and depth of reform's realization at the Belarusian territory is examined.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 25 чэрвеня 2010 г.